

И.В. Луговая

«Вчерашний день, часу в шестом...»

На Сенной площади в Санкт-Петербурге в 40-х гг. XIX в. публичные наказания уже не производились, там был полицейский участок, где наказывали мелких правонарушителей из бедноты. Однако важнее здесь символический образ народного страдания и параллельно — страдания от цензуры Некрасовской музыки «мести и печали» — народной заступницы.

Редко кто из поэтов не обращался к своей Музе, представавшей то резвой, веселой «вакханочкой», то задумчивой, то вольной и шаловливой, то суровой и гневной. Лики муз в русской поэзии бесконечно разнообразны. Совершенно новый образ создан в коротком стихотворении Некрасова.

Прежде всего сразу же возникает необычная конкретность: поэт точно называет время (день, час), место (рыночную площадь в Петербурге), где совершилось событие, врезавшееся в его память и взволновавшее его гражданское чувство. Стихотворение о «высоком» предмете начинается с «низкой» сцены и в тоне простого сообщения, краткой информации, не содержащей ничего поэтического, а, напротив, намеренно сниженной. Самая интонация нейтральна — нет ни гнева, ни жалобы. Все прозаично и обычно. Слова выбраны обыденные — «вчерашний день», «часу в шестом», «зашел». Особенно удивительно слово «зашел» — с ним сопрягаются ассоциативно такие выражения, как «зашел по дороге», «зашел по пути», «зашел случайно» и т. д. Оттого и последующие стихи («Там били женщину кнутом,/Крестьянку молодую») тоже рисуют как бы привычную, а совсем не исключительную ситуацию. Но второе четверостишие резко переключает всю тему в новый, «высокий» план. И это подчеркнута лексикой и интонацией. На первое место выдвигаются слова, обладающие устойчивыми поэтическими ассоциациями («звук», «грудь»). Примечательна тут и замена слова «кнут» на «бич». Еще более неожиданно, что тут же оказывается и Муза как некое лицо, к которому поэт обращается с очень важными и тоже неожиданными словами: «Гляди! Сестра твоя родная!» Так устанавливается кровное родство Музы поэта с крестьянкой.

Поднимая жизненную картину до высочайшего поэтического обобщения, Некрасов вместе с тем сохраняет интимный тон. Между «крестьянкой молодой» и Музой нет никаких преград, они одинаково дороги и близки поэту. Их общность подчеркнута, во-первых, тем, что стихи о крестьянке и Музе замыкают четверостишия и явно соотносятся между собой, а во-вторых, одинаково инверсивным строением фразы («крестьянку молодую» — «сестра твоя родная»). Наконец, драматизм второй части резко контрастирует с обыденностью первой, и это высекает новую поэтическую искру, рождая множество совсем не традиционных реальных и поэтических ассоциаций. Некрасов в коротком стихотворении сумел сказать и о том, что его Муза — сестра униженной и страдающей крестьянки, что она печалится народной печалью, что она тоже подвергается истязаниям, цензурным и иным гонениям, физическому насилию, что она так же бесправна, как и крестьянка, что он, Некрасов, поэт народа, потому что крестьянка символизирует весь народ. Так возникает новый в русской поэзии образ Музы, столь же терпеливой, непреклонной и волевой, как и молодая крестьянка с занесенным над ней бичом. Для полноты картины важно отметить и то, что реальный план совместился в стихотворении с метафорическим, и происшедшее с крестьянкой переносится на ее «родную сестру». Так уже в первые годы творчества (стихотворение написано в 1848) Некрасов образно сказал о своих общественных симпатиях. Но этим содержание стихотворения не исчерпывается: в нем есть еще один план, скрытый, но живо представленный в более позднем стихо-

творении 1851 года, названном «Муза». Оно посвящено традиционной теме отношений поэта с музой, которая либо оказывает ему покровительство, либо отказывает в нем. В первой строфе возникает привычный до Некрасова образ музы, которого он, однако, не знал:

Нет, музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!

Этот лик музы, ласкающей слух и учащей волшебной гармонии, волнующей поэта «мечтой неясною», бывшей ему «подругой любящей», как признается поэт, ему неведом. Над ним рано «отяготели узы» иной «неласковой и нелюбимой музы»:

Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страданий и оков, —
Той музы плачущей, скорбящей и болящей...

И отношения между музой и поэтом складывались драматично: ее напев был полон тоски и «вечной жалобы». Порою же она плакала или исторгала звуки разгульной песни, иногда побуждала мстить. Подчас же, смиряясь, «шептала надо мной: «Прощай врагам своим!» Вот тогда-то, по откровенному слову поэта, «нелюбимая» муза — потому что такую вечно тревожащую, надрывающую сердце стоном, неласковую и не улаждающую слух гармоничными звуками музу трудно любить — все-таки овладела душой поэта, который, не поддаваясь ее «суровым напевам» и плачу, вступил с ней «в ожесточенный бой».

Но поединок поэта с музой не привел к разрыву — в драматизме борьбы родился «прочный и кровный союз». Поэт учил музу не смиряться, не стихать в гневе, изживать всепрощенческие настроения. Этот оттенок есть и в стихотворении «Вчерашний день, часу в шестом...». Он выражен в том повелительном тоне, в каком поэт обратился к ней: «Гляди!» Здесь заключено предупреждение: не увлекай меня на ложный путь, не делай меня слабым, ибо того, что ты видишь, нельзя простить. Но и скорбная муза учила поэта песнопенью:

Чрез бездны темные насилия и зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...

Драматическое, сложное общение поэта с музой мыслится Некрасовым постоянным противоборством двух равных сил, прочный и кровный союз которых держится на неизбывности народных страданий и необходимости сказать о них.